

Годъ изданія девятый.

МАРТЪ.

№ 10.

1916.

XVII 45
10

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

РАЗСКАЗЪ ЛЬВА.
РАННЕЙ ВЕСНОЙ (стих.).
МАЛЕНЬКАЯ ЛИЗА (повѣсть).
СКВОРЦЫ ПРИЛЕТѢЛИ! (стих.).
ПРИНЦЕССА—КРОШКА (сказка).
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Дачка—для склеиванія.
„Впередъ, назадъ и стой!“—игра.

№ 9 или

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

ВЪ ЗВѢРИНЦѢ.

7. Разсказъ Льва.

Когда бѣлый медвѣдь умолкъ, то въ звѣринцѣ водворилось всеобщее молчаніе. Слышно было толь-

— Отчего вы не спите? обратился къ нему слонъ. Вотъ ужъ сколько лѣтъ я гляжу на васъ,

... Она приняла насъ къ себѣ, какъ своихъ родныхъ щенятъ.

ко, какъ завывала метель, да стонали и побряхтывали небольшія животныя. Въ клѣткахъ львовъ и леопардовъ попережнему свѣтились зеленые огоньки. Это были ихъ глаза.

просыпаясь по ночамъ, и всякій разъ вижу ваши зеленые глаза.

— Мы никогда не спимъ по ночамъ, отвѣтилъ ему левъ.— Господь создалъ насъ такъ, что мы всю

ночь должны добывать себѣ ѣду. Вѣдь мы—кошачьей породы и видимъ въ темнотѣ лучше, чѣмъ всѣ другія животныя... Здѣсь намъ не нужно добывать себѣ пищи, насъ здѣсь кормятъ дохлой кониной, но все таки мы и здѣсь не можемъ спать по ночамъ и все время тоскуемъ и глядимъ.

— О чемъ же ты тоскуешь?

— О томъ-же, о чемъ и ты. О потерянной свободѣ.

— Какъ-же ты сюда попалъ?

Левъ поднялся, встряхнулъ своей косматой гривой, хлопнулъ по бокамъ сильнымъ хвостомъ и снова улегся вдоль тѣсной клѣтки, вытянулъ впередъ переднія лапы и положилъ на нихъ свою громадную, косматую голову.

— Я родился въ южномъ Египтѣ началъ левъ свой рассказъ,—тамъ, гдѣ пустыня переходитъ уже въ горы и гдѣ рѣдко встрѣчаются люди. Вся та мѣстность была покрыта густымъ кустарникомъ, сквозь который протекалъ узенькій, прозрачный ручеекъ. Моя мать и отецъ жили парой въ логовищѣ среди этихъ кустарниковъ, вырытомъ ихъ-же лапами въ землѣ и представлявшемъ неглубокую яму, похожую на громадное блюдо. Изъ этого логовища они каждую ночь отправлялись на охоту, но далеко не заходили и каждое утро, сытые, возвращались домой. Вообще левъ не любитъ заходить далеко.

Когда я и моя сестра появились у нихъ на свѣтъ, то мы были величиной всего только съ домашнюю кошку и были совершенно полосатые, какъ тигрята. Впоследствии эти полосы на насъ полиняли и мы стали совершенно свѣтлыми. Грива была только у нашего отца. Ни у матери, ни у меня съ сестрой гривъ не было вовсе. Въ отличіе отъ прочихъ животныя мы родились уже зрячими и тотчасъ-же принялись играть съ матерью. Чего только мы не вытворяли съ ней! Мы хватили ее за уши, за морду, мы вспрыгивали къ ней на спину, держали ее за хвостъ и она терпѣливо играла съ нами и ласково лизала насъ своимъ щетинистымъ языкомъ.

— Ну, теперь я долженъ тебя кормить, обратился къ моей матери отецъ. — Теперь у тебя малыши, ты должна оставаться съ ними и оберегать ихъ, а ужъ я позабочусь о васъ одинъ.

И каждый вечеръ онъ сталъ отправляться на охоту и возвращался только на разсвѣтѣ съ добычей въ зубахъ. Мать жадно схватывала ее и начинала лизать. Затѣмъ, нализавшись, она съѣдала ее. Я-же и сестра только сосали материнское молоко.

Каждое утро, на разсвѣтѣ, едва только начинало всходить солнце, нашъ отецъ влѣзалъ на какую-нибудь высоту и три раза гром-

кимъ рыканіемъ привѣтствовали его восходъ. Эхо вторило его голосу въ далекихъ горахъ и казалось, что тамъ гремѣлъ громъ. Это было очень величественно.

Одинъ разъ отецъ вернулся ни съ чѣмъ и былъ очень взволнованъ.

— Что съ тобой? спросила его мать.

— Возвращаясь сюда, я видѣлъ человѣка, отвѣтилъ онъ. — Онъ шелъ одинъ, съ маленькимъ ребенкомъ. Я испугался его и убѣжалъ.

— Почему-же ты на него не нападешь?

— Онъ шелъ въ сторонѣ и не трогалъ меня. Мы благородны и притомъ трусливы. Мы никогда не нападаемъ первые и никогда не вступаемъ въ борьбу съ людьми. Ихъ дѣтей мы не трогаемъ никогда. Другое дѣло, если-бы человѣкъ задумалъ меня обидѣть!.. Тогда я ему этого не простилъ-бы никогда.

Отецъ приходилъ съ охоты по утрамъ и тотчасъ-же укладывался спать и просыпался только передъ заходомъ солнца. Наоборотъ, наша мать бодрствовала съ нами весь день, глядѣла, какъ мы играли между собой, и радовалась на насъ. Мы были совершенно безпомощны, едва держались на ногахъ, но все-таки играли и были счастливы безконечно. Мы мяукали, какъ кошки, и наша мать отвѣчала намъ радостнымъ ворчаніемъ.

Но вотъ однажды, отправившись на охоту, отецъ вовсе не вернулся къ намъ по утрамъ. Мать встревожилась. Цѣлый день мы ожидали отца и оставались безъ пищи. Мать не ѣла ничего. Онъ такъ и не являлся. На другія сутки мать отъ голода потеряла для насъ молоко и рѣшилась отправиться на добычу сама. Всю ночь мы провели безъ нея. Намъ было холодно и мы хотѣли ѣсть. Къ утра вернулась къ намъ наша мать. Она была сыта, но въ то-же время и печальна.

— Вашего отца уже нѣтъ въ живыхъ! сказала она намъ. — Его убилъ человѣкъ. Сосѣдніе львы сообщили мнѣ, что здѣсь появилось много людей, которые охотятся за нами. Мы не причинили имъ никакого зла, но они за что-то ненавидятъ насъ, преслѣдуютъ и убиваютъ...

И съ этихъ поръ мы уже не слышали по утрамъ величественнаго рыканія нашего отца, возвращавшагося съ добычей, и горы уже не отвѣчали своимъ эхо на его могучій голосъ. Каждый вечеръ мать должна была теперь отправляться за добычей и оставляла насъ на всю ночь однихъ.

Однажды мать задержалась на охотѣ дольше, чѣмъ обыкновенно. Вѣроятно, уходила куда-нибудь далеко. Уже взошло солнце, а она все еще не приходила и мы оставались одни. Какъ вдругъ послы-

шался странный топотъ и раздались человѣчьи голоса. Мы открыли глаза и увидали арабовъ, скакавшихъ на громадныхъ одnogорбныхъ верблюдахъ. Одинъ изъ нихъ замѣтилъ насъ, отсталъ отъ своихъ товарищей и, остановивъ своего верблюда около нашего логова, прыгнулъ съ него на землю, подскочилъ къ намъ и схвативъ меня и сестру на руки, влѣзъ на верблюда и помчался далѣе.

— Славные лъвята! ворчалъ онъ себѣ подъ носъ.—Я выкормлю ихъ и за дорогую цѣну продамъ!

Мы испугались такъ, что едва могли дышать. Въ это время сзади насъ послышался ужасный ревъ. Это вернулась наша мать и, не найдя насъ, бросилась по слѣдамъ за нами въ погоню. Мы видѣли ее, видѣли, какимъ горемъ было искажено ея лицо, и намъ хотѣлось къ ней и мы безмолвно умоляли нашего похитителя отпустить насъ на волю и бросить насъ къ матери. Но, замѣтивъ за собою погоню, онъ сунулъ насъ въ мѣшокъ, болтавшійся у верблюда на боку, обернулся назадъ и два раза встрѣлилъ въ нашу мать. Мы слышали затѣмъ ея предсмертный ревъ и поняли, что навѣки остались круглыми сиротами.

Насъ привезли въ арабское поселеніе и вынули изъ мѣшка. Мы увидѣли себя въ лачугѣ, сплетенной изъ пальмовыхъ вѣтвей, и не знали, что дѣлать. Намъ очень

хотѣлось ѣсть. Тогда нашъ хозяинъ кинулъ въ уголокъ охапку соломы и засвисталъ:—

— Дина! Дина! закричалъ онъ.

На его зовъ въ лачугу вошла большая собака и завиляла ему хвостомъ.

— Ложись тутъ! указалъ онъ ей на солому.

Она легла, онъ подложилъ насъ къ ней и—милая, добрая собака!—она приняла насъ къ себѣ, какъ своихъ родныхъ щенятъ, и дала намъ себя пососать. Мы были голодны, ея молоко не нравилось намъ. Но мы скоро къ нему привыкли и уже больше не могли обходиться безъ нашей новой матери. И она сама ласково смотрѣла на своихъ пріемныхъ дѣтей, лизала насъ и виляла хвостомъ. Бѣдняжка! Она тоже лишилась своихъ щенковъ, ихъ утопилъ въ ведрѣ чelовѣкъ, и теперь она была рада намъ и ей нравилось, что около нея копошились мы.

Лъвята сосутъ материнское молоко около двухъ лѣтъ. Мы росли не по днямъ, а по часамъ и скоро у нашей собаки не стало хватать для насъ молока. Она похудѣла, кожа отвисла на ней такъ, что намъ жалко было на нее глядѣть. Тогда нашъ хозяинъ-арабъ снова положилъ насъ въ мѣшокъ и понесъ насъ куда-то далеко. Когда мы снова увидали свѣтъ, то передъ нами разстилалось громадное безбрежное море. Мы сидѣли въ кор-

зинѣ и не понимали, что съ нами будутъ дѣлать. Вскорѣ насъ внесли на пароходъ и мы закачались по волнамъ. Всю дорогу насъ кормилъ молокомъ изъ рожкакакой-то бѣлый человѣкъ, какъ кормятъ маленькихъ дѣтей, когда у нихъ нѣтъ матери или не хватаетъ материнскаго молока. Онъ кормилъ насъ по нѣскольку разъ въ день и мы нѣжно къ нему привязались. Звали его Артуръ.

— Ахъ, вы несчастныя созданія! часто говорилъ намъ Артуръ и ласково насъ щекоталъ. — Какая горькая жизнь ждетъ васъ впереди!

Насъ привезли въ Европу, посадили въ клѣтку и стали ожидать, когда пройдутъ три года и мы сдѣлаемся взрослыми львами и насъ можно будетъ продать подороже. И всѣ эти три года насъ кормилъ нашъ милый добрый Артуръ. Онъ приносилъ молоко и кормилъ своихъ воспитанниковъ изъ рожка. Мы жадно набрасывались на коровье молоко и выпивали его въ день по нѣскольку бутылокъ, потому что быстро росли.

Къ концу перваго года мы потеряли тѣ темныя полоски на тѣлѣ, благодаря которымъ были похожи на тигрятъ, къ концу втораго у меня и у сестры выросли кисточки на хвостахъ, а къ концу третьяго на мнѣ выросла отличная густая грива и я сталъ настоящимъ львомъ.

Тогда пришли какіе-то незнакомые люди, купили насъ, разсадили

насъ въ разныя клѣтки, сестру увезли куда-то въ зоологическій садъ, а меня треплютъ съ тѣхъ поръ по разнымъ звѣринцамъ, въ которыхъ мнѣ холодно, и даютъ ѣсть дохлую конину, къ которой я чувствую отвращеніе.

Переѣзжая изъ города въ городъ, я долго тосковалъ объ Артурѣ. Мнѣ въ моихъ несчастіяхъ не хватало его и всякій разъ, когда къ моей клѣткѣ подходилъ кто-нибудь, похожій на него, то я бросался къ нему на встрѣчу и больно ушибалъ себѣ грудь и лицо о желѣзные прутья рѣшетки. Но Артуръ все не приходилъ. Только онъ одинъ могъ свободно входить ко мнѣ въ клѣтку, всѣхъ-же другихъ я возненавидѣлъ. Теперь я былъ силенъ и могучъ и не допустилъ-бы къ себѣ въ клѣтку никого. Я не люблю людей за то, что они радуются нашимъ несчастіямъ и даже платятъ деньги за то, чтобы лишній разъ на нихъ посмотреть.

Однажды насъ привезли въ Парижъ. Прошло уже много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ Артуромъ и съ сестрой. Я примирился уже со своей жизнью въ тюрьмѣитолькождалъ своего конца, когда я умру или-же когда меня убьетъ человѣкъ. Случилось такъ, что въ это время въ Парижѣ давалъ представленія какой-то укротитель звѣрей. Онъ привезъ съ собою своихъ двухъ львовъ, къ которымъ входилъ въ клѣтку и ко-

торыхъ больно стегалъ хлыстомъ. Чтобы получить съ публики побольше денегъ, нашъ хозяинъ пригласилъ его со львами давать представленія въ нашемъ звѣринцѣ. Случилось такъ, что въ самый день представленія, утромъ одинъ изъ его звѣрей околѣлъ. Такъ какъ по глупому обычаю людей, укротитель звѣрей долженъ былъ давать представленія не съ однимъ львомъ, а съ двумя или съ нѣсколькими, чтобы доказать, что для него представляло больше опасности быть заживо съѣденнымъ звѣрями, то мой хозяинъ и онъ рѣшили посадить меня въ клѣтку къ нему. Такимъ образомъ онъ долженъ былъ укрощать насъ двоихъ. Меня посадили въ клѣтку къ чужому льву, а затѣмъ, когда насталъ вечеръ и началось представленіе, то при всеобщихъ кликахъ восторга нашъ укротитель вошелъ къ намъ въ клѣтку и сталъ что-то приказывать намъ дѣлать. И я увидѣлъ, какъ послушно исполнялъ его левъ его приказанія. Я-же не понималъ ничего. Тогда онъ пнулъ меня ногой. Это обидѣло меня и я заворчалъ. Онъ что-то сказалъ мнѣ, но я вновь ничего не понималъ. Тогда онъ размахнулся и изъ всѣхъ силъ ударилъ хлыстомъ меня прямо по лицу. Кровь брызнула у меня изъ разсѣченной хлыстомъ брови. Я оскорбился, засверкалъ глазами и попятился отъ него назадъ.

— Ты у меня сдѣлаешь то, чего

я хочу! закричалъ на меня укротитель и сталъ изъ всѣхъ силъ поражать меня бичомъ.

Тогда чаша моего терпѣнія переполнилась. Играла музыка, публика шумѣла и кричала „браво“ и мнѣ было досадно, что она радовалась тому, что меня такъ унижали. Я заревѣлъ, оскалилъ зубы, выпустилъ когти, бросился на своего врага, повалилъ его и подмялъ его подъ себя.

Я не знаю, чѣмъ-бы кончилось все это представленіе, если-бы среди публики вдругъ не раздавался ласковый знакомый голосъ.

— Маркизь! закричалъ этотъ голосъ. — Неужели это ты?

Меня звали Маркизомъ. Я поднял голову отъ своей жертвы и оглядѣлся вокругъ. Передо мною стоялъ онъ, мой ненаглядный Артуръ. Какъ онъ измѣнился! Теперь ужъ онъ былъ сѣдой и по его лицу были разсѣяны морщины. Онъ вѣжжалъ ко мнѣ въ клѣтку, я вскочилъ на ноги и бросился къ нему, онъ сталъ меня ласкать, обнимать, а я позабылъ уже о своей жертвѣ и готовъ былъ слѣдовать за нимъ, какъ вѣрная собака. Онъ вышелъ изъ клѣтки и поманилъ меня за собой. Я послушно вышелъ за нимъ и покорно побрелъ туда, куда пошелъ и онъ. Но публика испугалась меня, бросилась бѣжать, начался беспорядокъ, подбѣжали служители, набросили на меня арканъ, перегнали меня въ мою клѣтку и

съ тѣхъ поръ я Артура уже больше не видѣлъ никогда. Говорили послѣ, что я очень помялъ укротителя львовъ, и его прямо изъ звѣринца повезли въ больницу, а скромный Артуръ незамѣтно скрылся въ толпѣ. Мой тихій, послушный выходъ изъ клѣтки произвелъ переполохъ. Точно я хотѣлъ кого-нибудь загрызть!

Послѣ этого я тяжело заболѣлъ. У меня случилось воспаление легкихъ и я тяжело метался въ своей клѣткѣ въ жару. Цѣлые два мѣсяца я лежалъ какъ пласть, и не могъ подняться, чтобы даже полакать воды. Мнѣ вливали ее въ ротъ. Ночью прибѣгали ко мнѣ въ клѣтку крысы и больно кусали меня за лапы. Тогда содержатель звѣринца впустилъ ко мнѣ въ клѣтку маленькую собачку, которая умѣла ловить крысъ. Она быстро избавила меня отъ моихъ враговъ и мы съ нею скоро сдружились. Я сталъ выздоравливать и она близко подползала ко мнѣ и прижималась своимъ тѣломъ къ моему. Я согрѣвалъ ее и мнѣ было пріятно, что я былъ не одинъ. А когда я выздоровѣлъ совсѣмъ, то мы вмѣстѣ съ нею играли, какъ малые ребята.

И нашъ содержатель звѣринца сдѣлалъ изъ этой нашей привязанности другъ къ другу себѣ доходную статью.

— Сверхъестественное чудо! кричалъ онъ на улицѣ, зазывая въ свой звѣринецъ праздныхъ звѣвекъ.— Дружба льва съ маленькой собачкой! Всего только двадцать копѣекъ за входъ!

И публика валомъ валила въ звѣринецъ и, разинувъ рты, глядѣла на мою подругу и меня. Точно дружба никогда не была знакома людямъ и они платили деньги, чтобы только поглядѣть на нее хоть однимъ глазкомъ.

Черезъ годъ собачка околѣла и я снова остался одинъ. Теперь я старъ и одряхлѣлъ, я уже не такъ красивъ, какъ былъ, грива лѣзетъ изъ меня клочками и я чувствую, что близко ужъ мой конецъ. И когда вы увидите, что она выплѣзла уже вся, то это будетъ значить, что недалеко уже моя смерть...

Левъ поглядѣлъ въ темное пространство передъ собою, положилъ голову на лапы и тяжело вздохнулъ. Двѣ огромныя слезы покатались у него изъ глазъ.

— Какая глупая, ничтожная наша жизнь! воскликнулъ онъ и отвернулся къ стѣнѣ.

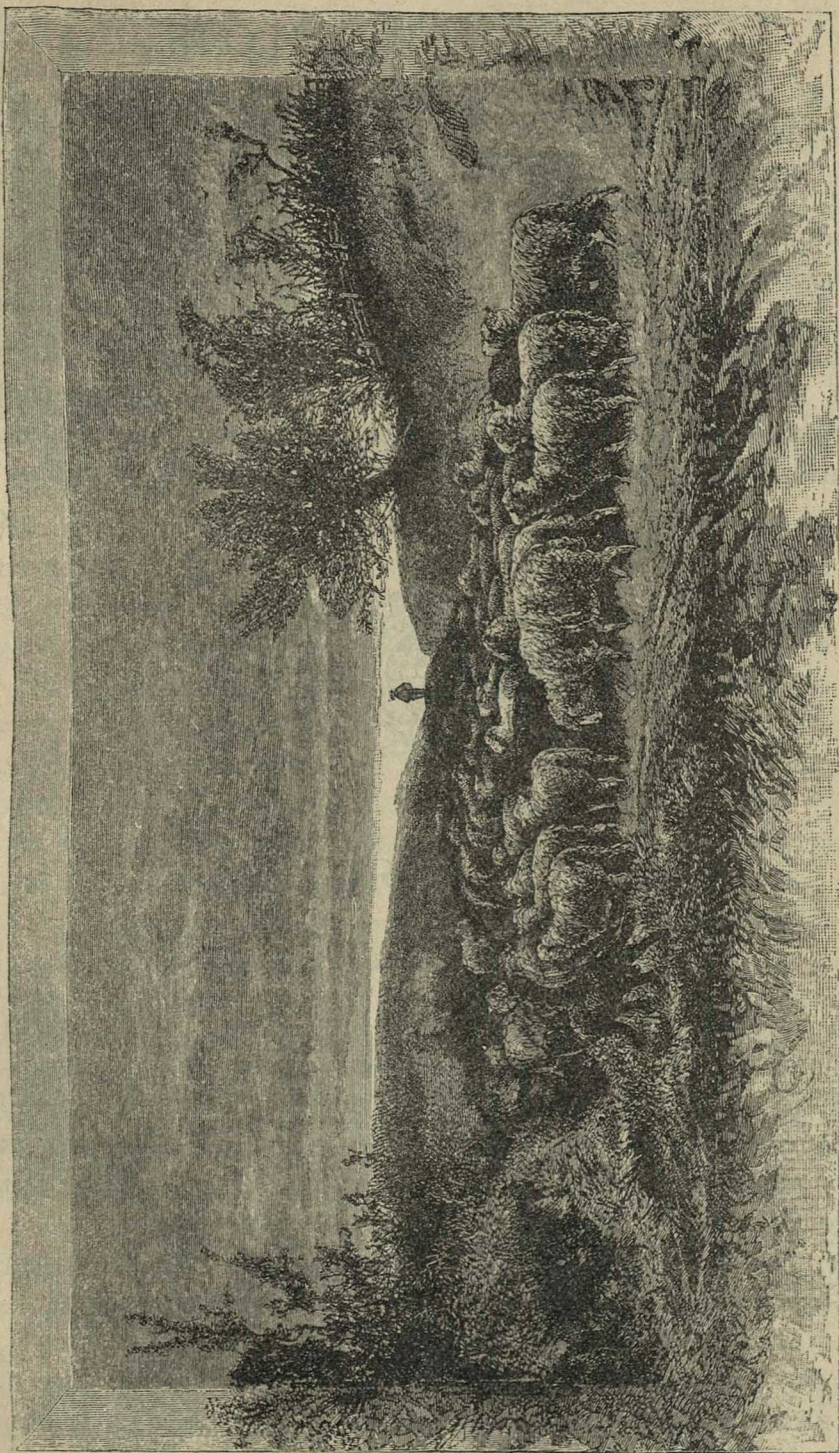
Вѣтеръ еще сильнѣе загудѣлъ снаружи и погналъ передъ собою цѣлыя тучи сухого холоднаго снѣга. Было холодно и неудобно.

С. Вершининъ.

Веселый хороводъ.

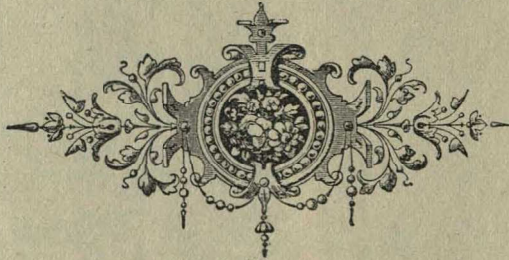
Возвращение домой.

РАННЕЙ ВЕСНОЙ.

Въ лѣсу въ канавкахъ и въ То дождь катится съ шумомъ въ
оврагѣ трубахъ,
Еще лежитъ пластами снѣгъ,
И такъ свѣжо, такъ много влаги,
И ходятъ всѣ уныло въ шубахъ...
Что и обидѣться не грѣхъ. — „Да гдѣ жъ весна?“ у всѣхъ во-
[просъ.

Молчатъ озябнувшія птички,
Весеннихъ пѣсень не поютъ,
И даже юркія синички
Въ молчаньи гнѣзда себѣ вьютъ. Идетъ весна, но какъ-то вяло
И нѣтъ въ ней прежней красоты...
Весна, зачѣмъ ты запоздала?
Гдѣ твои травка и цвѣты?

К—ъ.

МАЛЕНЬКАЯ ЛИЗА.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

(Продолженіе).

Грачики оказались очаровательнымъ мѣстечкомъ. Небольшой, одноэтажный, старомодный домъ, крытый соломой, весь обросшій сиренью, розами и дикимъ виноградомъ, еще издали манилъ къ себѣ своимъ уютомъ. Садъ оказался полнымъ цвѣтовъ и фруктовыхъ деревьевъ. Къ намъ вышла хохлушка и съ низкимъ поклономъ сообщила намъ, что все уже готово и что нашего приѣзда ожидали еще третьяго дня и вчера.

Папа, мама и я вошли въ домикъ. Какъ все въ немъ оказалось прелестно! Старинная мебель красного дерева, наивныя картины, висѣвшія по стѣнамъ, коврики, раскинутые по всѣмъ поламъ, столики съ изогнутыми ножками и пузатые комоды — все это говорило о томъ, что когда-то здѣсь жили привольной, счастливой жизнью и не нуждались ни въ чемъ.

— Ну, вотъ мы и доѣхали! ска-

заль папа.—Какъ однако-же здѣсь хорошо!

Затѣмъ начались распаковка и развязываніе вещей, мама стала устраивать постели, а я выбѣжала въ садъ и, воспользовавшись тѣмъ, что было еще свѣтло, нарвала громадный букетъ изъ розъ и, проходя мимо вишневаго куста, не утерпѣла и стала объѣдать на немъ вишни.

Какъ вдругъ какіе-то тяжелые вздохи привлекли къ себѣ мое вниманіе. Кто-то глубоко вздыхалъ около калитки:—

— Ой, батюшки! Ай, матушки! Насилу-то, дура набитая, добѣжала! Ой, дайте перевести душеньку, а то задохнусь!

Я подбѣжала къ калиткѣ и, къ удивленію своему, увидала, что это была Ольга. На ней не было лица. Она запыхалась и все лицо ея было въ поту.

— Няня! Ольга! воскликнула я.

— Здравствуй, моя красавица! Ой, батюшки! Сейчасъ задохнусь!..

— Да что съ тобой? Почему ты такъ бѣжала? Откуда ты?

— Да развѣ-жъ я могу жить безъ тебя, ангель ты мой архангельскій? Какъ пріѣхали къ старикамъ-то, такъ я сейчасъ и подалась къ тебѣ. Они занялись съ Ниночкой сами, а я вижу, что я тамъ не причемъ, бухнула имъ въ ноги, да и отпросилась къ тебѣ! Не гони меня, Христа ради, красавица! Дай поглядѣть на твои

глазыньки архангельскіе! Позволь пожить около тебя!

Мнѣ было очень пріятно, что Ольга къ намъ возвратилась. Я схватила ее за руку и съ громкимъ визгомъ потащила ее въ домъ. Мама тоже обрадовалась ей, а папа ходилъ по комнатѣ, потиралъ руки и говорилъ:—

— Вотъ это хорошо!.. Это недурно!.. Значить, теперь мама будетъ не одна, за ней теперь есть кому ухаживать!

А Ольга бросилась къ папѣ, схватила его за руку и стала цѣловать его въ плечо.

— Баринъ ты мой! воскликнула она. — Красавецъ ты мой! Да откуда вы всѣ взялись, да какъ-же это я къ вамъ, голубчикамъ, попала?

Затѣмъ хохлушка внесла самоваръ, сливки, сметану, яйца и творогъ и мы усѣлись за нашъ вечерній чай и ужинъ. Ольга тотчасъ-же освоилась со всѣмъ, быстро сошлась съ хохлушкой, и не прошло и часа, какъ она уже распорядилась, какъ дома. Мама была очень довольна и совершенно успокоилась. Ей очень понравилась въ Грачикахъ и я и папа не могли не замѣтить, какъ на щекахъ у нея сталъ играть здоровый румянецъ.

Послѣ чая мы всѣ вышли погулять, долго сидѣли у рѣки и слушали соловьевъ, а затѣмъ спустилась тихая, ароматная ночь,

на небѣ зажглись звѣзды и появился молоденькій рогатый мѣсяць. Мы просидѣли часа съ два и все это время молчали и намъ не хотѣлось говорить, хотя мы и безъ слова понимали другъ друга. Трещали кузнечики, кричали лягушки и какая-то птица, точно дуя въ бутылку, гудѣла въ камышахъ по ту сторону рѣки.

— Да, благодатная страна Малороссія! нарушилъ наконецъ молчаніе папа.— А тѣмъ не менѣе все-таки пора и на покой: стало уже сыровато, да, признаться, и устали съ дороги!

И мы побрели домой. Ахъ, съ какимъ наслажденіемъ я раздѣлась и бухнула въ мягкую, широчайшую кровать, въ которой могла-бы помѣститься сразу цѣлая семья! Я укрылась стеганнымъ одѣяломъ по шею, закрыла глаза и стала тотчасъ-же засыпать, но сквозь сонъ съ тревогой слышала, какъ папа жаловался мамѣ на свое безденежье и какъ мама его утѣшала.

— Ничего, говорила она. — Успѣешь еще заработать! Время еще впереди! Главное здоровье!

А папа ей возразилъ на это:

— Ты знаешь, мнѣ такъ и не удалось спросить у старичка Кульчицкаго, сколько съ меня возьмутъ за эту дачу! Повидимому, не дешево. Смогу-ли я заплатить?

Мама отвѣтила ему что-то, но я уже не разслышала и заснула

крѣпкимъ сномъ. Управившись по хозяйству, Ольга вошла ко мнѣ въ комнату и улеглась на коврикѣ какъ разъ у самой моей кровати. Я проснулась среди ночи, чтобы попить, увидала ее и мнѣ стало даже совѣстно, что она такъ ко мнѣ привязалась безъ всякой заслуги съ моей стороны.

Эту ночь я спала крѣпко и долго. Проснулась я поздно, когда утренній самоваръ уже погасъ. Я вскочила, схватила мыло и полотенце и побѣжала на рѣку умываться. А едва только я вернулась и успѣла проглотить чашку молока, какъ насъ уже посѣтили гости.

Къ намъ пріѣхали старичокъ Кульчицкій съ Ниночкой приглашать насъ всѣхъ къ себѣ обѣдать.

— Вы сдѣлаете намъ этимъ великую честь! обратился старичокъ къ моему папѣ, склонивъ голову на лѣвое плечо.—Прошу васъ, не отказывайте и пріѣзжайте! Жена и я будемъ очень рады. Не правдали, Ниночка? Послѣ обѣда мы будемъ гулять, купаться...

Ниночка сдѣлала папѣ реверансъ.

Приглашеніе было сдѣлано такъ искренно, что намъ ничего больше не оставалось, какъ принять его и отправиться къ Кульчицкимъ обѣдать.

Старичокъ уѣхалъ, оставивъ Ниночку у насъ, а затѣмъ, въ часъ дня за нами пріѣхалъ экипажъ и мы всѣ пятеро, считая въ томъ

числѣ и Ольгу, усѣлись въ него и отправились въ Черепашки.

Ахъ, какъ мы съ Ниной по дорогѣ дурили! Я давно такъ не смѣялась и давно не говорила такъ много глупостей!

Черепашки оказались отъ насъ всего только въ двухъ верстахъ. Какъ только мы вѣхали въ нихъ, такъ мнѣ съ поразительной ясностью и представилось все, что я въ нихъ пережила. Все въ нихъ, какъ было, такъ и осталось, и мнѣ показалось, точно я никогда изъ нихъ и не уѣзжала. Мы сытно пообѣдали и, пока старшіе сидѣли на террасѣ и разговаривали, мы съ Ниной бѣгали взапуски по саду, лазали по сѣновалу и не было во всей усадьбѣ такого мѣстечка, куда-бы мы не засунули свои носы. Раза два или три насъ окликала старушка Кульчицкая, боясь, какъ-бы мы не свернули себѣ шеи, и радостно покачивала головой на наши плутни. Красныя, всѣ въ поту, съ растрепавшимися волосами, мы выбѣжали однажды къ ней, бросились къ ней на шею и повисли на ней, какъ серьги. Это ее такъ растрогало, что на глазахъ у нея появились слезы.

— Ахъ, Лизочка, обратилась она ко мнѣ, — какіе прекрасные твои родители! Твоя мама — просто ангелъ. Я такъ рада, что нашу Ниночку зовутъ такъ-же, какъ и ее!

Выходили въ садъ и папа со

старичкомъ. Старичокъ о чемъ-то съ жаромъ рассказывалъ папѣ и величественно размахивалъ при этомъ рукой. Пробѣгая съ Ниной мимо ихъ, я случайно услышала слѣдующія его слова:—

— Сергѣй Ивановичъ! Голубчикъ Сергѣй Ивановичъ! Здѣсь такъ все прекрасно и даже самая наша природа улыбается, что имѣетъ удовольствіе раскрыть передъ вами свои объятія!

Мы вернулись домой пѣшкомъ. Папа и мама всю дорогу шли подъ руку, а я съ Ольгой брели позади ихъ: я ужасно устала за день. Мы пришли къ вечеру и еще долго сидѣли на террасѣ и слушали соловьевъ. Удивительное дѣло, какъ они долго поютъ въ Малороссіи! Папа и мама были довольны. Оба повеселѣли, и сразу поправились въ здоровьѣ.

— Ну, наконецъ-то намъ повезло! сказалъ папа. — Теперь-то ужъ мы отдохнемъ!

Затѣмъ я ушла спать. Отъ счастья меня такъ всю и распирало. Даже во снѣ я бѣгала и рѣзалась и ѣла спѣлыя вишни прямо съ деревьевъ. Жизнь на яву слилась для меня вмѣстѣ съ жизнью во снѣ — и я затруднялась даже рѣшить, что изъ нихъ было въ дѣйствительности.

На слѣдующее утро я проснулась очень рано и выбѣжала въ садъ. Вѣдь я еще какъ слѣдуетъ, и не осмотрѣла всего. Хуторокъ

оказался небольшимъ, но чрезвычайно уютнымъ. Все въ немъ было устроено не просто, было красиво и по каждой мелочи было видно, что его бывшіе владѣльцы любили его и вкладывали въ него всю свою душу. Въ это утро я осмотрѣла его весь, до мельчайшихъ подробностей и почувствовала въ немъ себя такъ, точно въ немъ и родилась. Хуторокъ выходилъ лицевой стороной къ дорогѣ, отъ которой отдѣлялся живой изгородью и рѣшеткой, а одну изъ боковыхъ сторонъ, тамъ, гдѣ были кухня и коровникъ, составляла собой высокая каменная стѣна. Какъ разъ посреди этой стѣны находилась калитка.

Эта калитка меня очень заинтересовала. Она была прочна и оклана листовымъ желѣзомъ и мнѣ сразу-же показалось, что по ту сторону ея должны были находиться какіе-нибудь волшебные сады или-же по меньшей мѣрѣ замокъ добрыхъ фей. Но откроется-ли она? Отперта-ли она? И если она заперта, то у кого отъ нея ключъ?

И чѣмъ дольше я стояла передъ дверью, тѣмъ больше овладѣвало мною женское любопытство.

Въ двери была щеколда. Я взялась за нее, повернула ее и дверь неожиданно отворилась. Я вошла въ нее, точно это было во снѣ и дверь сама собою захлопнулась за мной. Здѣсь, очевидно, были за-

дворки. Крутой обрывъ спускался внизъ и на днѣ оврага протекалъ прелестный ручей. Его обросли кустарники, и вода въ немъ была такъ чиста и прозрачна, что было видно, какъ по его песчаному дну плавали маленькія рыбки, величиною не болѣе какъ съ булавку. По краю обрыва, къ водѣ сбѣгала тропинка и по бокамъ ея росли чудесные дикіе цвѣты, надъ которыми рѣяли пчелы. Я стояла передъ этимъ ручейкомъ и смотрѣла на него съ такимъ видомъ, какъ, вѣроятно, Колумбъ смотрѣлъ въ первый разъ на только-что открытую имъ Америку.

— Здравствуй! вдругъ послышался снизу чей-то звонкій голосъ.— Ты кто такая?

Я приглядѣлась и увидѣла съ своей вышины мальчика лѣтъ девяти, который стоялъ босыми ногами прямо въ ручейкѣ и дрыбался ими въ водѣ. Онъ былъ очень хорошо одѣтъ, хотя штанишки у него были засучены до колѣнъ и онъ походилъ этимъ на уличнаго мальчишку.

Я тотчасъ-же его узнала. Это былъ тотъ самый Вячеславъ, съ которымъ я встрѣтилась тогда на станціи, когда уѣзжала отъ старичковъ къ папѣ въ Петроградъ. Тогда еще онъ сѣлъ вмѣстѣ со своей прабабушкой графиней Костроминой въ карету и куда-то уѣхалъ.

— Ты что здѣсь дѣлаешь? спросилъ онъ меня опять.

— Такъ... Ничего... отвѣтила я.—
Вышла сюда погулять!

— Хорошее мѣсто нашла! Точно
негдѣ больше гулять!

Этотъ мальчикъ опять мнѣ кого-
то очень напоминалъ лицомъ. Гдѣ-
то, у кого-то я видѣла точь-въ-точь
такое-же выраженіе глазъ, какъ и
у него. Но у кого-же? Я не могла
этого припомнить.

Мнѣ и теперь кажется стран-
нымъ, какъ это мнѣ не могло
тогда-же придти въ голову, что
дѣвичья фамилія моей мамы была
тоже Костромина? Я догадалась
объ этомъ только потомъ, когда
утекло уже много воды и когда
событія приняли уже свой соб-
ственный оборотъ.

— А тебя какъ зовутъ? спро-
сила я.

— Вяча... отвѣтилъ онъ.—Вяче-
славъ! А тебя какъ?

— Меня—Лиза. Я такъ и знала,
что тебя зовутъ Вячеславомъ!

— Почему?

— Потому что я встрѣтила тебя
одинъ разъ... На станціи... Когда
уѣзжала отсюда въ Петербургъ.

Мальчикъ подумалъ.

— Не помню... сказалъ онъ.

— Ты еще былъ со своей ба-
бушкой! Вы откуда-то приѣхали!

— Ахъ, да, да! воскликнулъ
онъ.— Это мы ѣздили тогда въ
городъ! Но теперь моей бабушки
здѣсь уже нѣтъ. Она уѣхала къ
себѣ въ имѣніе, и я здѣсь остался
одинъ у Марьи Игнатьевны.

— Кто эта Марья Игнатьевна?
Вяча не сумѣлъ отвѣтить на
этотъ вопросъ и указалъ ру-
кой на противоположный берегъ
ручья.

— Она живетъ тамъ! сказала
онъ.—На своемъ хуторѣ. Недалеко
отсюда.

— Приходи ко мнѣ играть! Намъ
будетъ весело! У меня есть по-
друга Ниночка!

Мальчикъ задумался.

— Нѣтъ... откровенно отвѣтилъ
онъ.— Не приду... Мнѣ не позво-
ляютъ.

— Почему? удивилась я.

— Бабушка запрещаетъ. А
Марья Игнатьевна во всемъ слу-
шается бабушку...

— Значитъ, ты всегда играешь
одинъ?

— Одинъ...

Мнѣ стало его жаль. У него
была такая славная мордочка съ
милыми, сѣрыми глазами.

— Чего-же ты стоишь въ водѣ?
обратилась я къ нему.— Вѣдь ты
простудишься!

— Ничего!.. отвѣтилъ онъ.—
Вода теплая!

— Ну, прощай!

— Прощай...

Я вернулась къ калиткѣ и толк-
нула ее. Къ моему удивленію она
оказалась запертой. Я хотѣла было
повернуть въ ней щеколду, но съ
этой стороны на ней щеколды не
оказалось вовсе. Дверь запиралась
автоматическимъ замкомъ, сама

... Я нарвала громадный букет и, проходя мимо вишневого куста, не утерпѣла и стала объѣдать на немъ вишни. („Маленькая Лиза“).

— Ты что здѣсь дѣлаешь? спросилъ онъ меня опять.
(„Маленькая Лиза“).

собою, и могла отпираться только со стороны нашего хутора.

„Что-же теперь дѣлать?“ подумала я. — „Какъ-же мнѣ теперь попасть домой?“

И я опять стала ударять въ дверь плечомъ. Но она по прежнему не подавалась. Вяча увидѣлъ мои затрудненія, вышелъ изъ воды и, какъ былъ, босыми ногами поднялся ко мнѣ навёрхъ.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ онъ.

— Да вотъ дверь заперлась сама собою и не отворяется, отвѣтила я покраснѣвъ, какъ маковъ цвѣтъ. — Я не знаю, что мнѣ сдѣлать? Меня, должно быть, уже дожидаются дома къ чаю!

Онъ близко осмотрѣлъ дверь, и опять подумалъ.

— Остается только одно средство, сказалъ онъ, — это перелѣзть черезъ заборъ!

— Но вѣдь я-же не могу этого сдѣлать! возразила я.

Тогда онъ отошелъ отъ стѣны, разбѣжался и, какъ кошка, вскарабкался на самую ея вершину. Потомъ онъ спрыгнулъ съ нея въ нашъ хуторъ, повернулъ щеколду съ той стороны и распахнулъ передо мною калитку.

— Пожалуйте, мадмуазель! сказалъ онъ мнѣ самымъ важнымъ тономъ и съ такой манерой, которая обличала въ немъ очень воспитаннаго мальчугана.

Я поблагодарила его, пригласила его поиграть съ нами, но

онъ опять отказался,—и я вернулась къ себѣ домой. Папа и мама уже встали и сидѣли на террасѣ и пили чай. Я присоединилась къ нимъ и тоже стала пить чай. Затѣмъ начался всеобщій разговоръ, потомъ прибѣжала ко мнѣ Ничочка,—и я совершенно позабыла о Вячеславѣ. Вечеромъ въ тотъ день были у насъ оба старичка Кульчицкіе въ гостяхъ, пили чай и никакъ не могли на насъ взглянуть. Я помню, что въ тотъ день была суббота, потому что, когда мы сидѣли вечеромъ у рѣки и прислушивались къ крикамъ перепеловъ, доносившимся до насъ изъ пшеничныхъ полей, то вдругъ послышался церковный звонъ. Старичокъ набожно перекрестился.

— Ударили ко всеобщей... проговорилъ онъ. — Тебе, Бога, хвалимъ, Тебе, Господа, исповѣдуемъ...

— А далеко здѣсь церковь? полюбопытствовалъ папа.

— Нѣтъ, близко!.. воскликнулъ старичокъ. — Всего въ какой-нибудь верстѣ! А не пойти-ли намъ всѣмъ завтра къ обѣднѣ?

Мы сговорились идти завтра къ поздней обѣднѣ, а затѣмъ старички простились съ нами и уѣхали.

Поздно вечеромъ изъ Черепашекъ пришелъ къ намъ посланный и объявилъ, что господа Кульчицкіе очень извиняются, что не могутъ сдержать своего обѣщанія и отправятся завтра съ нами въ

церковь, потому что къ нимъ неожиданно прѣхалъ предводитель дворянства, который у нихъ и заночуетъ. Неизвѣстно, когда онъ проснется завтра утромъ. Возможно, что онъ и проспитъ, и они поэтому должны остаться изъ вѣжливости дома.

Тѣмъ не менѣе папа и мама рѣшили отправиться завтра къ обѣднѣ и безъ нихъ.

— Интересно повидать здѣшнихъ крестьянъ, сказалъ папа. — Завтра они будутъ въ церкви въ своихъ праздничныхъ нарядахъ. Кажется, здѣшніе батюшки говорятъ свои проповѣди на малоросійскомъ языкѣ... Любопытно послушать!

Утромъ мы отправились въ церковь всѣ вчетверомъ. Она дѣйствительно оказалась недалеко отъ насъ. Вокругъ нея былъ базаръ, бабы продавали бублики, пряники и даже горячій борщъ, гуляли дѣвушки въ высокихъ сафьяновыхъ красныхъ и зеленыхъ сапогахъ и молодые люди въ чоботахъ и въ барашковыхъ шапкахъ. Всѣ были чисто одѣты въ свои національные костюмы и у многихъ дѣвушекъ и женщинъ я увидѣла на шеяхъ ожерелья изъ настоящихъ золотыхъ червонцевъ.

— Какъ это не похоже на нашу сѣрую, сѣверную толпу! съ печалью въ голосъ сказалъ папа. — Когда-то и мы доживемъ до такихъ-же зажиточности и добрыхъ нравовъ!

Мы вошли въ церковь и стали къ правой сторонѣ. Служба уже началась. Я любила помолиться и потому часто вставала на колѣни. Одинъ разъ случилось такъ, что когда я поднялась съ колѣней, тѣ люди, которые стояли предо мной, сдѣлали земный поклонъ, и я вдругъ увидѣла впереди Вячеслава. Онъ стоялъ въ церкви не одинъ. Съ нимъ были довольно красивая дама маминыхъ лѣтъ и дѣвочка моложе меня. Почему-то я вздрогнула. Повидимому, мальчикъ почувствовалъ, что я увидала его, потому что онъ обернулся, узналъ меня и закивалъ мнѣ головой.

— Это онъ, онъ! зашептала я папѣ.

— Кто онъ? такъ-же шопотомъ спросилъ меня отецъ.

— Мальчикъ! Вячеславъ! Я познакомилась съ нимъ вчера!

Мама тоже увидѣла мальчугана и улыбнулась ему. Онъ и ей закивалъ головой.

Затѣмъ служба кончилась, батюшка выслалъ намъ изъ алтаря просвирку и мы отправились къ себѣ обратно въ хуторъ. Когда мы выходили изъ церкви, то къ намъ протискался Вячеславъ и бойкимъ, веселымъ, чисто-мальчишескимъ голосомъ сказалъ:—

— Здравствуйте! Съ праздникомъ! Какъ поживаете?

Мы раскланялись съ нимъ и пошли своей дорогой.

— Какой славный!.. сказала мама.

На слѣдующій день, когда я и мама сидѣли у себя въ гостиной у открытаго окна и обѣ вышивали, къ намъ неожиданно пришли съ визитомъ та самая дама и дѣвочка, которыхъ мы видѣли вчера въ церкви вмѣстѣ съ Вячеславомъ. Дама представилась, какъ жена мѣстнаго священника, того самаго, который служилъ вчера обѣдню.

— А это—моя дочь Наденька, сказала она.

Это была та самая Марья Игнатьевна, про которую мнѣ говорилъ третьяго дня Вячеславъ, что она во всемъ слушается его бабушку и никуда не пускаетъ его одного. Дѣвочка оказалась тихенькой и мало-развитой и вообще, какъ я поняла, мало подходила ко мнѣ и къ Нинѣ. Намъ обѣимъ было-бы съ ней скучно.

— Я сочла своимъ долгомъ познакомиться съ вами, сказала Марья Игнатьевна съ сильнымъ южнымъ произношеніемъ. — Вы люди столичные, а мы — провинціалы, а вѣдь вы знаете, какъ мы всегда падки до всего столичнаго!

Мама и Марья Игнатьевна разговорились и изъ ихъ разговора я поняла, что наша новая знакомая была очень милая и образованная женщина, хотя и прожила весь свой вѣкъ въ деревнѣ. Что-же касается Наденьки, то все время она молчала, держала себя

тихоней и я рѣшила, что съ ней каши не сварить.

„Неужели-же бѣдному Вячеславу“, подумала я, — „все время приходится проводить съ ней?“

И, вспомнивъ объ этомъ мальчикѣ, я спросила:—

— А почему-же къ намъ не пришелъ и Вячеславъ?

— Когда мы отправлялись къ вамъ, отвѣтила Марья Игнатьевна, — то онъ куда-то убѣжалъ. А то-бы я взяла съ собой и его!

Мнѣ было жаль, что такъ случилось.

— А кто этотъ мальчикъ Вячеславъ? спросила мама.—Это вашъ сыночекъ?

— О, нѣтъ! возразила попадья.— Онъ мнѣ совсѣмъ чужой. У его прабабушки въ имѣніи случилась скарлатина и она попросила меня подержать его на время у себя. Да, кажется, тамъ уже все прошло и его скоро отъ меня возьмутъ обратно. Онъ мальчикъ хорошій!..

— Я что-то плохо понимаю, сказала я.—Онъ самъ называетъ ее „бабушкой“, а вы говорите, что она ему „прабабушка“. Кто-же она ему на самомъ дѣлѣ?

Марья Игнатьевна улыбнулась.

— Она для него—прабабушка, отвѣтила она.—Онъ сынъ ея единственной внучки, которая вышла замужъ противъ ея воли и живетъ съ мужемъ гдѣ-то далеко. Во всей громадной усадьбѣ они только двое и живутъ: старый и

малый, прабабушка и правнучекъ. Конечно, ему, бѣдняжкѣ, скучно, но что будешь дѣлать? Такъ ужъ сложилась его судьба! Вѣроятно, завтра или послѣзавтра его уже отъ меня возьмутъ... Вѣдь они только второй годъ какъ живутъ въ этихъ мѣстахъ... Старуха купила здѣсь богатую усадьбу...

Мама заинтересовалась Вячеславомъ.

— А какъ его фамилія? спросила она.

— Костроминъ! отвѣтила Марья Игнатьевна.—Вяча Костроминъ!

Мама какъ-то вдругъ сразу смутилась и покраснѣла.

— Какъ это странно... сказала она, полная удивленія и въ то-же время охватившей ее тревоги.— Какое удивительное совпаденіе! Простите, что я такъ вдругъ смутилась, но я очень удивлена...

Кажется, этотъ мальчикъ-мой родственникъ!

Я не повѣрила своимъ ушамъ. Что такое говорила мама? Папа тоже вздрогнулъ и затеребилъ свою бородку. Я замѣтила, какъ задрожали его руки.

— Ну, вотъ и отлично! воскликнула попадья, прощаясь. — Значить, теперь вамъ нужно познакомиться и съ самой графиней Костроминой!

На папѣ и на мамѣ не было лица. Они оба улыбались уходящей гостьѣ, пошли ее проводить до калиткѣ, но по выраженію ихъ лицъ я догадывалась, что это были тѣ самые графиня-бабушка и мальчикъ Вячеславъ, о которыхъ они избѣгали со мной говорить и о которыхъ все было покрыто для меня всегда непроницаемой тайной.

М. Б—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СКВОРЦЫ ПРИЛЕТѢЛИ!

Ужъ скоро вишни зацвѣтутъ,
Набухли почки у черешень
И, суетясь вокругъ скворешень,
Скворцы шумливо гнѣзда вьютъ.

Прошла рѣка, растаялъ ледъ,
Ужъ лѣсъ покрылся сѣрымъ пу-
И на окошкѣ соннымъ мухамъ [хомъ
Ужъ солнце снова жизнь даетъ.

Весна, весна! Уже стада
Мычатъ на полѣ, ищутъ травки,
Ужъ кое-гдѣ ползутъ козявки
И громко грачъ кричитъ съ гнѣзда.

Кузнечикъ.

ПРИНЦЕССА-КРОШКА.

СКАЗКА.

Жила-была однажды на свѣтѣ такая маленькая принцесса, что ее прозвали Крошкой. Когда она была еще ребенкомъ, то ей служила колыбелью скорлупка отъ орѣха и ее одѣвали въ платица, спитыя изъ душистыхъ лепестковъ цвѣтовъ. Она каталась обыкновенно въ коляскѣ, сдѣланной изъ раковинки, въ которую запрягали двухъ кузнечиковъ. Когда-же ей хотѣлось поплавать по водѣ, то она ложилась на листь водяной лиліи, къ ней слетала бабочка и раскрывала свои крылышки и это служило парусомъ. Если нужно было покататься по воздуху, то принцесса-Крошка подзывала къ себѣ ласточку, садилась ей на спинку и улетала на ней въ далекіе края. Майскій жукъ иногда по вечерамъ подлеталъ къ ней и она садилась на него бочкомъ, какъ амазонка, и каталась на немъ подъ листовою парка.

Принцесса - Крошка жила въ великолѣпномъ дворцѣ. Вся крыша его была увѣшана сладкозвучными колокольчиками, которые перезванивали отъ набѣгавшаго вѣтерка, его стѣны были вылиты изъ чистаго хрустала и кругомъ росли такіе удивительные цвѣты, какихъ не было больше нигдѣ на земномъ шарѣ. Внутри весь дво-

рецъ былъ устланъ мягкими, пушистыми коврами и обставленъ мебелью, которую сдѣлали самые искусные мастера.

Принцесса была такъ прекрасна, что отъ нея нельзя было оторвать глазъ. Всякій, кто видѣлъ ее, затѣмъ долго о ней не забывалъ. Но болѣе всего принцесса - Крошка нравилась своей сердечной добротой. Она любила цвѣты, птицъ и насѣкомыхъ и пользовалась и ихъ расположеніемъ. Благодаря ея работамъ и неусыпнымъ попеченіямъ, каждый кустикъ, каждая травка имѣли по утрамъ свою капельку росы и всѣ гнѣздышки птичекъ были снабжены мягкимъ мхомъ и теплымъ пухомъ. А когда наступала зима, то она отправлялась сама на поиски за неуспѣвшими еще отцвѣсти цвѣтами, брала ихъ къ себѣ и отогрѣвала. Она поднимала полузамерзшихъ птичекъ, отставшихъ во время перелета отъ своихъ стай и валявшихся на снѣгу, и содержала ихъ въ своемъ дворцѣ до весны. Если трава была оголена, то она засыпала ее снѣгомъ, чтобы ей было теплѣе во время зимы. Если же отогрѣтая ею птичка могла еще продолжать свой путь въ теплые края, то она отпускала ее на свободу и говорила:—

— Лети въ добрый часъ! Ты знаешь, что для тебя лучше!

И вотъ однажды утромъ, когда принцесса-Крошка сидѣла у себя во дворцѣ у окна и думала о томъ времени, когда наконецъ растаетъ весь этотъ снѣгъ и возвратится на землю радостная роскошная весна, надъ ея головою вдругъ послышался какой-то странный, загадочный звукъ, похожій на шумъ отъ взмахиваемыхъ громадныхъ крыльевъ. Она вздрогнула, подняла голову и вдругъ съ ужасомъ увидѣла около себя какое-то невѣдомое существо, настолько громадное въ сравненіи съ нею, что его голова и концы крыльевъ были выше шпиля колокольни. Это былъ крылатый, бородатый челоуѣкъ-великанъ съ большими злобными глазами, которыми онъ вращалъ въ орбитахъ, и съ острыми, какъ у волка, зубами, которые онъ обнажилъ, улыбнувшись передъ принцессой-Крошкой.

— Я — Кіокодинъ, властитель всѣхъ драгоцѣнностей въ мірѣ. Я царствую въ роскошной странѣ брилліантовъ, золота и серебра. Изъ-за тѣхъ немногихъ сокровищъ, которыя я пожелаю дать людямъ въ землѣ, они идутъ другъ на друга войной, убиваютъ другъ друга, совершаютъ преступленія и губятъ всю свою жизнь. Я даю имъ драгоцѣнные металлы и самоцвѣтные каменья по своей прихоти, а имъ кажется, что они на-

ходятъ ихъ въ землѣ сами, и они считаютъ себя счастливыми, когда ихъ находятъ. Золоту, серебру, и брилліантамъ теперь поклоняется весь міръ и тотъ считаетъ себя наиболѣе благополучнымъ, кто имѣетъ ихъ больше всѣхъ. Ты видишь, какъ я могущественъ?

— Что-же тебѣ нужно отъ меня? въ страхѣ спросила принцесса-Крошка.

— Я ищу для своего сына жену, отвѣтилъ Кіокодинъ, — и мой выборъ палъ на тебя. Ты выйдешь за него замужъ и сейчасъ должна слѣдовать за мной.

Принцесса-Крошка испугалась, задрожала, упала передъ великаномъ на колѣни и съ мольбою протянула къ нему руки.

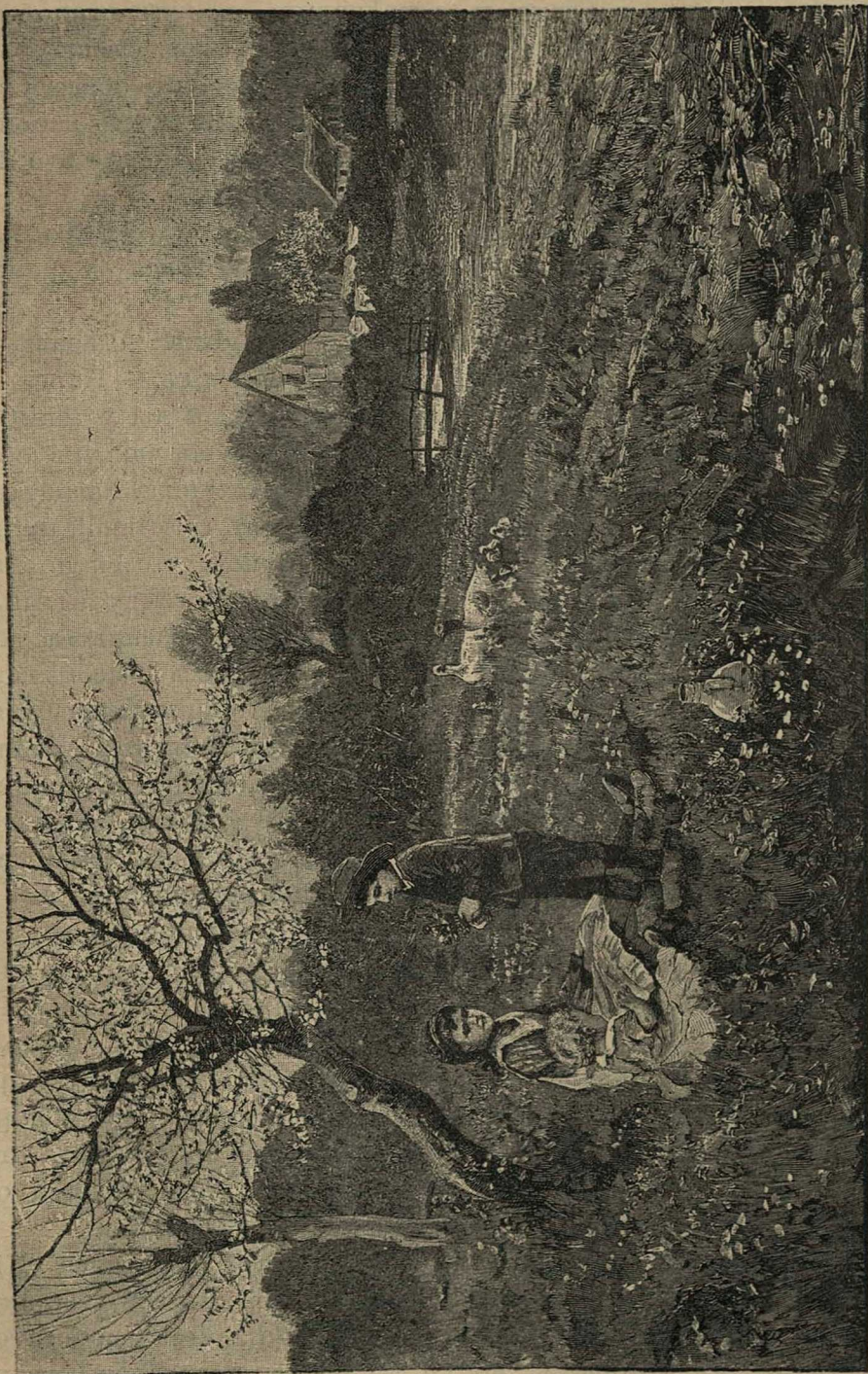
— Сжался, сжался надо мной! воскликнула она.—Я не могу разстаться со своими цвѣтами и съ птичками, которыя нуждаются въ моей помощи и ждуть моей поддержки. Дай мнѣ хотя-бы дождаться весны, когда возвратятся ко мнѣ изъ теплыхъ краевъ мои подружки ласточки, съ которыми я не видалась уже такъ давно! Безъ цвѣтовъ, птицъ и насѣкомыхъ я не могу жить и всѣ богатства міра не смогутъ для меня ихъ замѣнить. Умоляю тебя, подожди до весны!

Но великанъ пожалъ плечами и насмѣшливо улыбулся.

— Развѣ ты не видишь, что сила на моей сторонѣ? возразилъ

Удиратъ, зайка, скорѣе!

Первые цветочки.

онъ.—Ты говоришь о птицахъ и насѣкомыхъ! А развѣ я уже не изгналъ ихъ окончательно изъ большихъ городовъ? Тамъ люди наиболѣе стремятся къ наживѣ, тамъ они наиболѣе поклоняются золоту, серебру и драгоценнымъ камнямъ,—и развѣ нужны имъ тамъ птицы, насѣкомыя и цвѣты? Нѣтъ, ужъ лучше ты оставь свои глупости! Тамъ, гдѣ люди ищутъ богатства, — нѣтъ мѣста прекраснымъ божьимъ созданіямъ! А дѣло такъ ужъ и идетъ къ тому, чтобы получали развитіе города съ ихъ мостовыми вмѣсто прекрасной, бархатной травки, съ ихъ жалкими, подстриженными деревьями, въ которыхъ негдѣ гнѣздиться твоимъ птицамъ, и съ ихъ бойнями и мясными лавками, съ которыхъ могутъ летать однѣ только мухи. Нѣтъ, довольно! Ты должна полюбить мои богатства и выйти замужъ за моего сына. Садись! Нечего разговаривать!

Онъ протянулъ передъ нею свою громадную ладонь, безъ всякой жалости схватилъ ее, замкнулъ ее въ ней, какъ въ тюрьмѣ, взмахнулъ крыльями, точно двумя большими облаками, и полетѣлъ, онъ поднялся такъ высоко отъ земли, что заходившія за облака горы казались подъ нимъ маленькими бугорками, онъ перелеталъ черезъ безконечныя безжизненные пустыни, въ которыхъ не росло ни одного деревца. Съ нимъ

встрѣчались по пути планеты, съ которыми онъ могъ столкнуться и погибнуть, но онъ ловко уворачивался отъ нихъ, его засыпали снѣгъ и градъ — но все это было ему ни по чемъ.

Онъ летѣлъ долго-долго и наконецъ остановился и разжалъ ладонь.

— Мы прибыли! сказалъ онъ принцессѣ-Крошкѣ. — Нашъ путь оконченъ! Теперь ты у меня!

Она оглянулась вокругъ себя и въ страхѣ отступила назадъ. Она находилась въ громадной пещерѣ, такой глубокой, что ей не видно было конца. Повсюду дымились жаровни съ раскаленными угольями и изъ нихъ высовывались саламандры, изрыгавшія пламя, красными пятнами отражавшееся на стѣнахъ пещеры. Некрасивые, сторбленные карлики, закоптѣлые отъ дыма, поднимали обѣими руками тяжелые молоты и ударили ими о наковальни по золоту или серебру, отъ которыхъ во всѣ стороны прыскали искры. Падая на землю, эти искры превращались въ брилліанты и въ драгоценные камни, отъ которыхъ мириадами разноцвѣтныхъ огоньковъ преломлялись лучи и освѣщали собою пещеру.

— Ну, что? обратился Кіокодинъ къ принцессѣ-Крошкѣ. — Какъ тебѣ нравятся мои богатства? И ты могла думать, что съ ними могло-бы тягаться твое жалкое

королевство съ его птицами и цвѣтами? Ну, что значать всѣ твои фіалки въ сравненіи съ этими изумительными по красотѣ аметистами? Куда годится твой солнечный свѣтъ въ сравненіи съ этимъ блескомъ брилліантовъ? Къ тому же твои цвѣты живутъ только одинъ день, твои птицы рождаются и умираютъ, а мои богатства остаются навсегда.

И онъ указаль на драгоцѣнные каменья и на работавшихъ карликовъ.

— Вотъ мои цвѣты! сказалъ онъ. — Вотъ мои трудолюбивыя пчелы!

Принцесса - Крошка опустила глаза.

— Но эти твои цвѣты, отвѣтила она робко, — рождаются безъ солнца и не имѣютъ аромата. Они радуютъ глаза, но не трогаютъ сердца. Мои-же цвѣты, правда, не долговѣчны, но они улаждаютъ людямъ души и приближаютъ ихъ къ Богу. Развѣ можетъ кто-нибудь въ свѣтѣ создать такъ премудро цвѣтокъ, какъ Богъ? Каковъ-бы ни былъ блескъ отъ твоихъ рубиновъ, брилліантовъ и аметистовъ, — всѣ эти камни не живые и становятся драгоцѣнными только тогда, когда пройдутъ черезъ руки мастера, — мои-же розы и фіалки не нуждаются ни въ чьей искусной рукѣ и живутъ, понимаешь-ли ты? — живутъ! Онѣ рождаются, питаются, растутъ, достигаютъ своего самага

пышнаго расцвѣта и затѣмъ, какъ и все земное, умираютъ. Они — друзья человѣку и человѣкъ — ихъ другъ. А всѣ твои богатства — мертвы!

Кіокодинъ съ неудовольствіемъ повелъ плечами.

— Вотъ мой сынъ, а твой будущій супругъ, указаль онъ на подходившаго къ нимъ хромоногаго карлика, который держаль себя такъ, точно былъ надъ всѣми другими начальникомъ. — Завтра же ты выйдешь за него замужъ, а если не согласишься, то я заключу тебя въ тюрьму и ты не выйдешь изъ нея до тѣхъ поръ, пока не образумишься и не примешь его предложенія.

Принцесса-Крошка рѣшительно отказалась.

— Ни за что на свѣтѣ! воскликнула она. — Я не промѣняю всѣ твои богатства ни за одинъ мой цвѣтокъ, ни за одну вольную птичку, ни за одно насѣкомое! Я не продамъ за нихъ своей свободы, которую далъ мнѣ Богъ!

Тогда карлики схватили ее и заключили въ тюрьму. Трое дверей съ тройными замками защищали въ нее входъ и въ ней было такъ темно, что было плохо видно даже свою-же собственную руку. Маленькое окошечко, величиною съ кирпичъ, было помещено высоко наверху, подъ самымъ потолкомъ, и плохо пропускало въ себя свѣтъ. До него не могъ-бы

достать и высокій ростомъ чело-
вѣкъ. Въ углу, чтобы соблазнить
принцессу-Крошку и заставить ее
измѣнить своему рѣшенію, была
навалена громадная куча бриллиан-
товъ и другихъ драгоценныхъ
каменьевъ, которые сверкали въ
темнотѣ, какъ звѣзды.

— Эта куча будетъ служить
тебѣ постелью! крикнулъ ей Кіоко-
динъ и оставилъ ее одну.

Позабывъ о своихъ собствен-
ныхъ страданіяхъ, маленькая прин-
цесса упала на колѣни и стала
молиться за цѣлость той Божьей
красоты, которая была создана
для счастья людей и которою
былъ такъ прекрасенъ божій міръ.
Всѣ эти птицы, цвѣты, бабочки и
жучки, которые наполняли дере-
венскую природу и которые были
такъ дороги для принцессы-Крошки,
находились теперь въ опасности и,
судя по словамъ Кіокодина, скоро
должны были уступить мѣсто
золоту, серебру и стремленію къ
богатству. Что скажутъ теперь
цвѣты, когда узнаютъ, что у нихъ
уже нѣтъ больше ихъ маленькой
принцессы? Что подумаютъ птицы,
когда возвратятся обратно весной
изъ теплыхъ краевъ и не найдутъ
ее дома? Кто теперь позаботится
о нихъ? Кто сбережетъ ихъ для
людей?

Какъ вдругъ радостный пискъ
ласточекъ у окошка ея тюрьмы
заставилъ ее поднять къверху голову
и прислушаться. Ей показалось,

что она услышала его во снѣ. Но
нѣтъ, она ясно теперь слышала,
что это дѣйствительно кричали
наверху ласточки и цѣлой стаей
пролетали мимо ея тюрьмы.

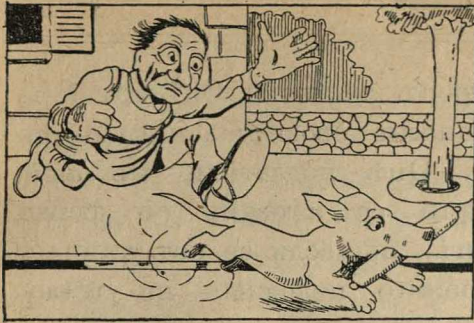
— Мы здѣсь, мы здѣсь! Мы
возвращаемся уже домой изъ
теплыхъ странъ!

Да, это были ея подруги-ла-
сточки! Онѣ пролетали мимо ея
тюрьмы. Но заглянуть-ли онѣ къ
ней? Что, если она крикнетъ имъ,
что она здѣсь, въ плѣну, въ не-
волѣ, и что ее заставляютъ на-
сильно выйти замужъ? Услышатъ-
ли онѣ ее? Вѣдь тогда онѣ ее
спасутъ, помогутъ ей отсюда
выйти, унесутъ ее отсюда на
своихъ спинкахъ! Но тюрьма такъ
высока, что все равно онѣ не
услышатъ ея голоса, и пролетятъ
мимо!..

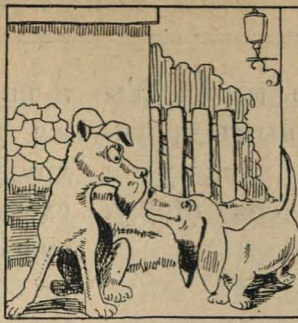
И она стала горько плакать.

И вдругъ ея тюрьма освѣтилась
какимъ-то страннымъ, таинствен-
нымъ свѣтомъ; какой-то удивитель-
ный, нѣжный ароматъ вдругъ на-
полнилъ ее всю; съ полу подня-
лось прозрачное золотое облако и
въ немъ, вся въ розахъ, незабуд-
кахъ и маргариткахъ, появилась
вдругъ молодая женщина порази-
тельной красоты. Она протянула
руки къ принцессѣ-Крошкѣ и по-
манила ее къ себѣ.

— Я — фея птицъ и цвѣтовъ,
сказала она. — Я ихъ царица, упра-
вляю ими и они слушаются меня
и любятъ меня. Несмотря ни на

1. Не прошло дня, чтобы Плумь чего-нибудь не стащил.

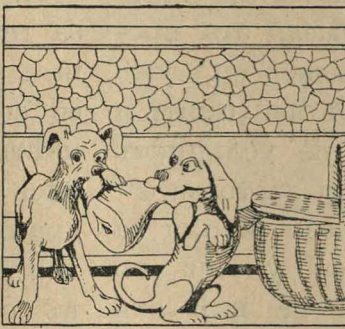
2. У Плума был приятель Фукс, с которым он сговорился обокрасть одну почтенную даму,—

3. которая важно шествовала с провизией с базара к себе домой.

4. Эта дама встретила по дороге свою подругу и разговорилась с ней. Плумь воспользовался этим, утащил у нея окорок ветчины и—

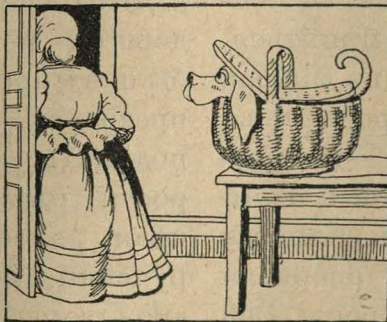
5. передал его Фуксу,

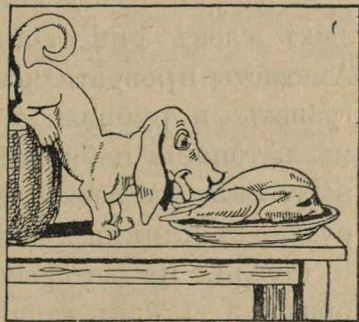
6. а сам залез в корзинку к дамь.

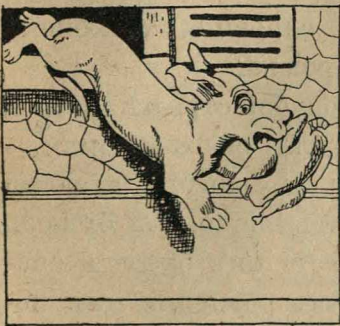
7. Дама принесла его к себе домой и поставила в кухню на стол,

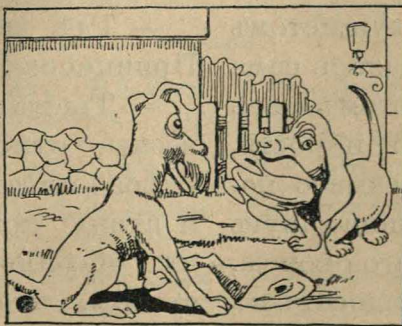
8. а сама, ничего не подозревая, вышла в соседнюю комнату.

9. Плумь воспользовался этим, вылез из корзинки и схватил лежавшую на столе курицу.

10. Он выскочил с нею в окно

11 и понес ее к своему приятелю Фуксу.

12. Возвратившаяся в кухню дама не нашла ни ветчины, ни курицы, и обратила свой гнев против виноватого.

что, ты осталась имъ вѣрна. Ты предпочла ихъ бездушнымъ драгоценнымъ камнямъ, золоту и серебру. За это я тебя спасу. Смотри!

И видѣніе исчезло.

Маленькая принцесса заплакала. Слезы градомъ покатились у нея по щекамъ. Неужели-же это только былъ сонъ? Неужели эта прекрасная фея скрылась и уже больше не явится къ ней опять и она уже больше не услышитъ радостнаго щебетанія ласточекъ?

Она плакала и слезы, капля за каплей, скатывались у нея по щекамъ на землю, на всѣ эти брилліанты, драгоценные камни, золото и серебро.

И вдругъ отъ дѣйствія ея теплыхъ слезъ они стали мѣняться. Аметисты превратились въ фіалки, гранаты и рубины въ розы и въ маки, топазы и бирюзы—въ разныхъ цвѣтовъ первоцвѣты, а изумруды—въ длинные, сочные листья и стебли, на которыхъ сверкали брилліанты, какъ капли росы. Всѣ эти цвѣты образовали собою удивительный букетъ, въ срединѣ котораго, точно въ душистомъ гнѣздышкѣ вдругъ оказалась сама принцесса-Крошка! Потомъ всѣ эти цвѣты стали расти и расти, букетъ вытянулся до самаго потолка и маленькая плѣнница вдругъ увидала себя около самаго окошка, мимо котораго съ радостнымъ щебетаньемъ все еще летали взадъ

и впередъ ласточки. Онѣ тотчасъ-же узнали свою маленькую подругу. Онѣ подлетѣли къ ней, схватили ее клювами со всѣхъ сторонъ, вынесли ее изъ тюрьмы и бережно положили на траву. Затѣмъ одна изъ ласточекъ посадила маленькую Принцессу къ себѣ на спину и полетѣла съ ней за тридевять земель, а всѣ остальные окружили ее и поддерживали ее со всѣхъ сторонъ. Роскошные цвѣты въ букетѣ снова опустились на полъ и превратились въ драгоценные камни, блестящимъ дождемъ ниспавшіе со стеблей въ одну общую большую кучу, такъ и оставшуюся лежать въ углу.

Долго летѣли ласточки со своей дорогой ношей, и наконецъ прибыли въ прекрасную страну, такую прекрасную, что люди могли-бы подумать, что это рай. Кругомъ росли цвѣты, свѣтило солнце и пѣли радостно птицы, журчали ручейки, воздухъ былъ напоенъ ароматомъ и жужжаньемъ золотыхъ жучковъ и между вѣтвей летали разноцвѣтныя бабочки.

— Гдѣ я? спросила наконецъ Принцесса-Крошка.

— Ты въ голубой странѣ вѣчной весны, отвѣтили ей ласточки.— Здѣсь цвѣты не вянутъ никогда и птицы поютъ вѣчно. Ты будешь ихъ царицей и онѣ будутъ счастливы, что ты будешь ими повелѣвать.

И онѣ осторожно спустили ее на землю.

А кругомъ весело распѣвали птицы, жужжали насѣкомыя и роскошныя цвѣты изливали изъ своихъ чашечекъ аромать.

И все пережитое показалось прекраснымъ — Крощѣ тяжелымъ,

кошмарнымъ сномъ и она была рада, что наконецъ отъ него избавилась и теперь могла видѣть себя въ своемъ родномъ кругу, гдѣ ничто уже больше не угрожало ей и гдѣ тихая скромная,

но красивая жизнь ожидала ее впереди. Гіальмаръ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Шуточные вопросы.

1. Почему одна лошадь можетъ бѣжать гораздо скорѣе, чѣмъ другая?

2. Почему, когда дуетъ вѣтеръ, то бѣгутъ и облака?

3. Зачѣмъ въ банкахъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ имѣются кассеры?

II.

Задуманы три слова:

1. То, безъ чего нельзя напечатать книгу и сдѣлать тетрадь (три слога).

2. Мѣсто, гдѣ ѣздятъ извозчики и ходятъ пѣшеходы (три слога).

3. То, что мы видимъ по обѣимъ сторонамъ улицы (три слога).

Отгадать эти слова и изъ ихъ

вторыхъ слоговъ составить новое слово, которое означаетъ названіе ягоды.

III.

Шарады.

1. Первое — домашнее рабочее животное, второе — насѣкомыя, похожія на пчелъ; все вмѣстѣ — то, что есть у животныхъ и у человѣка.

2. Первое — число, второе то, что есть только у людей; все вмѣстѣ — главный городъ въ государствѣ.

3. Первое то, что падаетъ съ неба, второе то, что есть у мужчинъ и у нѣкоторыхъ звѣрей; все вмѣстѣ — показатель холода и тепла. Что это?

Рѣшенія головоломокъ и ребуса № 9, помѣщенныхъ въ № 8 „Золотою Дѣтства“.

Головоломки: I...черни+ка (черника)...мали+на (малина), ...ка+пуста (капуста), ...брю+ква (брюква), ...ре+диска (редиска), ...петру+шка (петрушка), ...сли+ва (слива). II. 30-го Декабря, такъ какъ въ этотъ день отъ года остается только два дня. III. Ложка, чиновникъ, жало, начинка, ночникъ, валежникъ, качанъ, воинъ, калина, лежанка, калачъ, ежевика, книжка, чел-

нокъ — Лажечниковъ. IV. Жатва, горло, русло — рогожа. V. Котенокъ, по щекамъ.

Ребусъ № 9. Въ + э + томъ + до + медвѣдь + ѣв + очки + оси + рот + ѣли + и + си + ль + носъ + куча + ютъ = Въ этомъ домѣ двѣ дѣвочки осиротѣли и сильно скучаютъ.

Фамиліи подписчиковъ, приславшихъ вѣрныя рѣшенія, см. на послѣдней страницѣ обложки.

Ребусъ № 11.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки или ребусъ, будутъ напечатаны).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

за 1914 годъ

въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ — 4 рубля за экзempl. со всѣми приложеніями. За пересылку въ Европейской Россіи и на Кавказъ—
45 коп.

Высылается наложен. платежемъ.

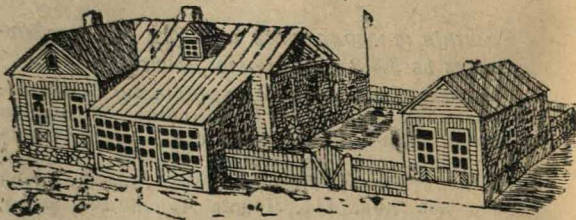
Адресъ Редакціи: Петроградъ,
Каменноостровскій, 26

Журналь за 1915 г. разошелся весь.

ТРИ КНИГИ за 1 руб. 60 к.
съ пересылкой:

1. „Дружокъ и Домка“.
2. „Найдемышъ и подкидышъ“.
3. „Англійскія сказки“.

Выписывать можно открытымъ письмомъ изъ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, Петроградъ, Каменноостровскій просп., 26.

Модель приложенія къ этому номеру.

Годъ девятый

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1916 годъ.

на художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 въ годъ номера).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

24 приложенія для склеиванія, 12 игръ, 12 картинъ для украшенія дѣтской.

Особое приложеніе для годовыхъ подписчиковъ:

Книга съ иллюстраціями:

„БРАТЪ И СЕСТРА“.

*Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена къ выпискѣ въ
ученическія библіотеки городскихъ училищъ.*

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой
на годъ 4 р. 80 к., на полгода—2 р. 40 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое
Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровский проспектъ, 26, и
въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петрограда.

4 р. 80 к.

За перемѣну адреса—28 копѣекъ почтовыми марками.

Вѣрные рѣшенія за время печатанія этого
номера прислали: А. Машковъ, Л. Пескова, Н.
Губарь, В. Кафталъ, Н. и Ю. Сладковы, Н.
Дручевская, Л. Лотоцкая, К. и М. Преображен-
скіе, Г. Гиршманъ, С. Жирковъ, В. Стабриковъ,
Г. Сайковичъ, Р. Левковская, Н. Сайковичъ,
А. и С. Шатовы, Н. Ж. и Л. Ивановы, В. и В.
Грагорьевы, С. и Л. Миримановы, С. Ведехина,
К. и В. Поддѣские, С. Колкеръ, Ш. Конышевъ,
Женя Б. Ж. А. и А. Рапопортъ, К. Киселева,
Н. Александровская, А. Кругляковъ, В. Казна-
кова, Л. Ниренбергъ, Э. и В. Ховенъ, Л.
Амирова, И. Штакедльбергъ, Т. Порадовскій,
М. Левинъ, В. Ушаровъ, Б. Быстриговъ, В.
Петрова, А. и Э. Радазевскіе, Т. Ярошевская,
Г. Энненбергъ, К. Мелешкина, М. и А. Суко-
рцевы, В. Митропольскій, А. Мидкевичъ, Лучи-
стая Таня, И. и В. Астаповичи, Т. Крыловъ,
А. и П. Мустановы, Е. Съиченкова, А. Никити-
нъ, Арбузовы, Т. Каледина, С. и В. Долговы,
А. Домничъ, Н. Бергштрессеръ, Т. и К. Розен-
бергъ, Т. Бутяжнъ, А. Эльснеръ, Т. Тпшакни,

В. Рощанъ, А. и Э. Гопль, Г. Янушкевичъ,
Т. Сапунова, К. Русиновъ, В. Федоровъ, В.
Двурѣченскій, Л. Быховскій, Л. Кабылинская,
М. Ханжа, Ш. Карьякова, Ш. Самойловичъ,
Дѣти Плотвиновы, А. и О. Бетцъ, К. Самсоновъ,
Ф. Полякова, В. Мацѣвская, И. и Т. Нежда-
новы, О. Докшинъ, И. Шилловъ, А. Шмидтъ,
Л. Курицкая, Г. Полякъ, Г. Кондратенко, Э.
Бирзе, Н. Буслаевъ, Л. Родинъ, Кунаковъ и
Звиевичъ, А. Бѣльскій, Давыдовъ, Б. Добры-
нинъ, К. М. и Э. Кротовы, А. Никитинъ, А.
Щенетевъ, В. Пословская, Ю. Видерманъ, К.
Павлова, М. Березина, А. Русисъ, Э. Мельдеръ,
В. Бекетовъ, А. Каринскій, Н. Герасимова, Ж.
Васильева, Ш. Раковичъ, В. Пироговская, Н.
Громова, К. Рыхляковъ, В. Цивкина, С. и Г.
Ададуровы, Е. и П. Чеховичъ, М. Котлеръ, О.
Канторъ, В. В. Захаровъ, Т. Тухина, С. Раде-
кая, О. Климова, К. Гершельманъ, М. Санинъ
И. и М. Адриановы, Д. Жуковъ, Н. Лопухина,
Г. Дервянинъ, М. и Н. Щегловы, Г. Захарова.